

20-letiu "Студии новой музыки" посвящается

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЧЕЛОВЕКЕ, ИЗМЕНИВШЕМ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ МОСКВЫ

А.С.СОКОЛОВ (Россия)

Фигура В.Г. Тарнопольского столь заметна в музыкальной жизни Москвы, то, чем он занимается настолько многогранно, что рассказ о нём может показаться повествованием не об одном человеке, а сразу о нескольких. Ведь это не только композитор, но и педагог, профессор кафедры композиции Московской консерватории, художественный руководитель оркестра «Студия новой музыки», заведующий Кафедрой современной музыки консерватории.

В.Г.Тарнопольский – деятель, это человек, который очень много сотворил в музыкальном сообществе не только как автор произведений, известных далеко за пределами России, а как лицо, которое создаёт школу. Сейчас – в этом поколении – о том, что формируется какая-то школа, говорить не приходится. Мы можем фиксировать их наличие в старшем поколении композиторов, когда это действительно было. Объяснением этого феномена могут служить разброд в устремлениях, нежелание задерживаться на чём-то достигнутом, вполне понятные в духе нашего времени. Школы всё-таки на константах основываются. Поэтому мы можем говорить как об исключении: тех, кто оказывается в кругу Тарнопольского, связывает не просто солидарность, а некоторое единомыслие в хорошем смысле этого слова. Сейчас можно видеть довольно много сложившихся кружков - по сфере интересов молодых композиторов. Если же говорить о том, что именно их объединяет, то это лишь привлекательные моменты общения и возможность, что называется, побыть рядом. Но это не манифестное единство, то есть не то, что представляли из себя «шестёрка» или «спектральная» школа во Франции, когда были действительно провозглашены

© Orlova

Фото - Олимпия Орлова

радикальные идеи, ради которых они объединились. И хотя как будто манифесты формально и были – у СоМа и у МолОта, но это всё не на уровне концептуальном. Это были лишь попытки аргументировать своё единство, не более. Увы, у них не было своего В.В.Стасова (это явное отличие от «Могучей кучки», члены которой тоже не особенно упражнялись в каких-то декларациях, они просто осознавали и приняли эту магистраль, которую им доста-точно ясно показали). Но это не вина и не беда современных молодых композиторов – это обстоятельства. Так вот на В.Г.Тарнопольского сие не распространяется, потому что вокруг него, действительно, сплотились верные соратники, причём во всех сферах его деятельности. Это и композиторы, которые вышли из его класса, и оркестранты «Студии новой музыки», и музыковеды.

Для того чтобы описать, как функционирует эта связка (современное композиторское творчество – исполнительство – музыковедение) следует рассказать о Кафедре современной музыки Московской консерватории.

Кафедра современной музыки, которой заведует профессор Тарнопольский, – тоже пример его профессионального и концептуального осмысления того, что нужно делать в консерватории. Сейчас уже, конечно, не то время, когда была черта, отсекающая всё, что было связано с «формализмом» и авангардом. И такой талантливый композитор, как Н.Каретников, например, по окончании консерватории начинал отсчёт своих опусов с нуля, т.е. отвергая всё, чему его учили. И он был не одинок в своей тяге к новому. Сейчас воинствующего консерватизма, конечно, нет. Образование ныне более разноплановое. Тем не менее, есть всё-таки определённого рода привычки замечательных композиторов старшего поколения, которые, скажем, электроникой не интересуются, и никогда интересоваться не будут, да и определённые ограничения в технике так же ими подразумеваются. Именно эту ситуацию, когда можно было вполне разделиться на 2 лагеря, Тарнопольский обошёл очень тонко. Он предложил концепцию кафедры, которая ни в коей мере не торпедировала традиции, а просто достраивала картину в том направлении, в котором другие коллеги не готовы развиваться. Поэтому то, что он во главе кафедры современной музыки, и он же является профессором академической кафедры композиции, – это замечательный пример его дипломатического искусства. Это непросто – открыть новую кафедру в консерватории: новообразование часто вызывает подозрение, что это некоторая онкология в организме. Но здесь не было никаких возражений.

Чем кафедра Тарнопольского отличается от других консерваторских структур? Тем, что она помимо ремесла, которое на очень высоком уровне реализуется, производит постоянный оценочный обзор всего, что происходит в современном музыкальном мире. Там читают лекции те наши музыковеды, которые на самом деле очень давно занимаются проблемами современной музыки, которым есть что сказать, что называется, от первого лица. Кстати говоря, профессионалы могут быть не только из консерваторской среды. На кафедру приглашены специалисты из Гнесинской академии: Т.В.Цареградская, И.И.Сниткова. Возникает, таким образом, некая интеграция усилий.

Вся мудрость ситуации со «Студией новой музыки» заключалась в том, что Владимир Григорьевич изначально не пошёл по пути, который избрал для себя Факультет исторического и современного исполнительского искусства (ФИСИИ). ФИСИИ сразу с первого курса набирает студентов, и проблема нередко возникает из-за качества этого приёма. И дальше приходится считаться с этой проблемой на протяжении всех пяти лет. А Тарнопольский сразу определился: это будет аспирантура. Когда человек уже всё умеет, когда он уже мастер, когда он уже получил свою «пятёрку» на госэкзамене, – вот тогда с ним можно всерьёз поговорить о том, как он может свой инструмент заново открыть в свете требований современного композиторского творчества. Высокий профессионализм исполнителей «Студии новой

музыки» – заслуга, таким образом, не только дирижёра И.Дронова, но и – В.Г.Тарнопольского. А дальше к этому добавился собственно научный сегмент, это Центр современной музыки, где его же сподвижниками пишутся диссертации. Скажем, Е.Изотова защитила сложнейшую диссертацию по современной американской музыке, и таких примеров много. Получилось так, что совокупность разных структур, каждая из которых создана Тарнопольским, сложилась в единую систему «сообщающихся сосудов». И во главе каждой из этих структур – профессор Тарнопольский.

Хочу обратить внимание на достоинство репертуарной политики «Студии новой музыки». Особенно следует подчеркнуть, что во главе угла здесь учебная, образовательная задача. Каждый член коллектива должен овладеть некоторым профессиональным ресурсом. К примеру, оркестранты должны знать, что такое минимализм, что такое сериальная музыка. В этом отношении заданы некоторые рамки, связанные именно с учебным процессом. Но такие рамки нисколько не мешают расширять репертуар в ту сторону, которая может быть определена в данный момент какими-то внешними побудительными причинами. Например, юбилейные даты. Мы можем заметить, что студийцы работают какой-то сезон с явным акцентом на французской музыке, потом почему-то возникает акцент на голландской или норвежской музыке, и т.д. Объясняется это просто: в данный момент на европейскую авансцену выходит фигура того или иного композитора, в связи с тем, что широко отмечается его круглая дата. И таким образом возникает возможность в этом фарватере найти своё место и этим самым не только заработать аплодисменты, но и получить финансовую поддержку. И должен сказать, что это чутьё Тарнопольского явно на пользу дела, потому что «Студия новой музыки», сравнительно с другими консерваторскими коллективами, значительно чаще самостоятельно находят «подножный корм», студийцы замечательно умеют раскрыть свои организационные возможности, получают гранты Минкультуры и спонсорские средства. Это тоже одна из особенностей репертуарной политики, которую можно обозначить как продвижение бренда своего коллектива в разных направлениях.

Наряду с этим есть ещё один аспект деятельности «Студии новой музыки», который я бы назвал культурно-исторической миссией: это заполнение лакун и воскрешение в памяти тех имён и тех явлений искусства, которые уже давно ушли на периферию не только слушательского интереса, но и вообще профессионального внимания. Коллектив постоянно обращается к музыке Первого отечественного авангарда. И поэтому целый ряд программ имеет пафосное звучание. Из отдельных фрагментов музыкальной истории складывается мозаика, которая в концертной программе остаётся как явление высокого порядка. Считаю, что это и есть культурная миссия. В этом – постоянное устремление В.Г.Тарнопольского.

Ну и наконец, то, что касается репертуарной политики – это исполнение музыки, только что вышедшей из-под пера. Тут композиторы – и ровесники, и коллеги постарше, чем сам Тарнопольский, – прекрасно помнят, как в их молодости одно из главных разочарований заключалось в том, что музыка написана, но не звучит, и шансов на то, чтоб она

прозвучала – никаких. Тогда ведь и компьютеров не было с синтезаторами, чтобы это хоть как-то в звуке представить. А сейчас интенсивная деятельность оркестра «Студия новой музыки» во многом определяется тем, что в программах всё время появляются сочинения молодых композиторов, причём – только что написанные. Мы поддерживаем это устремление «Студии новой музыки» Тарнопольского, систематически проводя конкурс молодых композиторов. Естественно, он анонимный, под девизами. Главным призом, помимо денежного вознаграждения, является концертное исполнение и звукозапись. Если авторитетный жюри признано достоинство того или иного сочинения, то композитор предстаёт перед публикой, что называется, вживую, исполнив и записав то, что получило высокую оценку. Это общая позиция, которая в консерватории поддерживается. В том числе и теми мастерами, которым, может быть, не всё эмоционально близко. Но уважение к стилистическому языковому выбору другого – здесь, безусловно, главное.

Можно упомянуть о многочисленных мастер-классах ведущих западных композиторов и исполнителей, которые регулярно проводятся под эгидой Центра современной музыки. Кто только у нас не побывал за последние несколько лет: Беат Фурер, Клаус Ланг, Филипп Леру – всех не перечислить. Но тут я бы отметил, что Тарнопольский в данном случае не опередил, а догнал. Дело в том, что у нас в консерватории мастер-классы у пианистов, вокалистов, струнников и духовиков проходят в режиме нон-стоп, и это давно. Но этого прежде почти не было у композиторов. Владимир Григорьевич как раз это и восполнил, и теперь у нас в этом отношении достигнута полная гармония.

Лекционный курс, который я веду у музыковедов, раньше назывался «Анализ музыкальных произведений», сейчас – «Музыкальная форма». Он построен по хронологическому принципу: начинается с григорианского хорала и в течение 4 семестров доходит до музыки сегодняшних дней. Естественно, то, что сегодня в композиторском творчестве происходит на наших глазах, для любого заинтересованного слушателя (даже для профессионала), представляет немалую сложность. Критерии оценки, методы анализа современной музыки сегодня только-только начинают нащупываться. Ю.Н.Холопов любил сравнивать нынешнюю ситуацию с тем, что было во второй половине XIX века, когда композиторы сами давали ключ к своему творчеству, создавали учебники, описывая то, что помогало разобраться в их музыке. Н.А.Римский-Корсаков написал «Основы оркестровки», учебник по гармонии, П.И.Чайковский – тоже автор такого учебника. С.И.Танеев был выдающимся исследователем полифонии. Но это всё было, сейчас подобного нет. И, завершая такой панорамный курс, я ввёл в традицию встречи с теми композиторами, которые могли бы интересно и достаточно доступно преподнести свои тайны студенческой аудитории, которая заведомо заинтересованно их воспримет, а помимо этого – накопила уже некоторый багаж сведений, позволяющий вести разговор на достаточно высоком профессиональном уровне. В.Г.Тарнопольский неизменно участвует в таких встречах. Остальные участники варьируются: у меня побывали и В.Екимовский, и В.Мартынов, и Ф.Караев, и

Э.Артемов – многих мог бы здесь вспомнить. Всё это были очень интересные встречи, но Тарнопольский за эти годы (а у нас прошло уже несколько этих потоков) прочёл разные лекции, причём не только о собственном творчестве. (В основном это именно так: я заранее прошу композитора рассказать, как ты это делаешь и почему). В.Г.Тарнопольский рассматривает какое-то явление в мире современной музыки не только через призму собственного творчества, но имеет возможность широкоохватного освещения события во всём современном культурном мире. И его лекции бывают замечательной кодой всего курса. Поэтому он уже «обречённо» знает, что раз в два года он обязательно должен выделить время для того, чтобы такую встречу провести.

Одной из его давно определившихся доктрин является культурологический подход. Парадигму, которой он следует, можно назвать культурологическим мышлением, при котором рассмотрение какого-либо явления невозможно без учёта глубокого и многослойного культурно-исторического контекста. Поэтому, когда Владимир Григорьевич читает лекцию, любая частность начинает отсвечивать различными ассоциациями, сопоставлениями, каким-то контекстом, который он вовлекает как сопровождающий материал. Это-то и ценно. Допустим, он читает у меня лекцию (уже не первый раз) о «новой сложности». Как раз о том музыкальном течении, которое невероятно трудно не просто для слуха, для анализа, оно сложно для исполнения – это другая культура исполнительского искусства. Такая лекция на самом деле может быть успешно прочитана только в том случае, если это явление становится объяснимым извне, а не сводится к инвентаризации того, что существует внутри его. Это очень важно: наличие культурно-исторической преамбулы, настройка аудитории на необходимую волну. Причём не могу сказать, что у Тарнопольского блестящая дикция, и что он риторическими приёмами завоевывает аудиторию, – нет. Невероятно привлекательным является иное свойство Тарнопольского-лектора – импровизационность подачи материала, когда ты видишь, как мысль облекается в слова и уточняется на твоих глазах.

Владимир Григорьевич очень хорошо провоцирует аудиторию парадоксальными вопросами, шутками, у него на лекциях всегда живая, непосредственная атмосфера.

У нас в последнее время многое продвинулось в отношении освоения современной музыки, появились новые солидные теоретические работы, в том числе коллективная монография кафедры теории музыки¹, где всё по полочкам (в первом приближении) разложено. Поэтому, чем дальше, тем больше можно продвигаться в какие-то тонкости современного искусства. И тут очень важно – найдёт ли человек для этого соответствующие формы общения и соответствующие слова. В этом отношении Тарнопольский, конечно, совершенно замечательный лектор. Он никогда не потеряет аудиторию – причём любую, у него есть обратная связь, он безошибочно чувствует, поняли его или запутались, лишней «круг над аэродромом» всегда сделает, таким образом, его лекции очень продуктивны. Помимо этого он, говоря о других композиторах, проявляет очень важное своё качество, которое нечасто в людях вообще встречается. В нём непротиворечиво сочетаются убеждённая

принципиальность и деликатность: что касается оценочных суждений, тут можно студентам порекомендовать запомнить – как это делается. Естественно, когда затрагивается аксиологический аспект, даётся оценка тому, что могло бы быть и лучше, то это преподносится Тарнопольским так, что композитор, чьё творчество обсуждается, (но он не может вступить в дискуссию, потому что не присутствует в классе), ни в коей мере не посчитал бы себя обиженным.

В.Г.Тарнопольский относится к той нашей композиторской элите, каждый из представителей которой может быть признан полномочным послом

отечественной культуры в мире. Когда-то, в советское время, было два таких имени - Шостакович, Прокофьев, - которые весь мир знал, а остальные были неизвестны. Позднее, этот круг постепенно расширялся. Сегодня уже немало композиторов признаны и востребованы за пределами своей Родины. Это радует. Но особую гордость вызывают те талантливые творцы, которые стремятся воочию продемонстрировать миру неисчерпаемое богатство культуры, которую они представляют. Именно таков Владимир Тарнопольский – истинный **деятель**, достойно выполняющий свою ответственную миссию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ . Теория современной композиции: учебное пособие для вузов / под ред. В. Ценовой. – М. : Музыка, 2005. – 624 с.